

ЕЛЕНА АМЕЛИНА

В ПОИСКАХ ЛУННОЙ ЦАРИЦЫ

12+

Елена Амелина

В поисках Лунной царицы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Амелина Е.

В поисках Лунной царицы / Е. Амелина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Юный капитан Рейкир даже не предполагал, что его первой миссией станет спасение всей цивилизации. Оказавшись на Луне в страшном лабиринте, он и его друзья должны отыскать древний артефакт, чтобы иметь шанс на выживание. Но как это сделать, если охоту за тобой ведут все боги Древнего Египта? Не зря говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо», а уж если разбудил, то – беги! И помогай тебе Бог!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	29
-----------------------------------	----

Вахщ, вахщ, виранда – закрутился со свистом камень на пыльной дороге. Небесный пришелец дымился и шипел. Следом за ним посыпался целый град других таких же обломков. Все они издавали один и тот же надсадный звук внезапной гибели.

Иссиня-зелёная рука с узловатыми длинными пальцами и ногтями, похожими на орлиные когти, подобрала его с земли и, покатав в артритных суставах, вдруг резко выщелкнула обратно в небо, туда, где шла битва. Невзрачный обломок кувыркнулся пару раз в воздухе, маленький и равнодушный к столпотворению мира, и завис, глядя на Землю всегда одной стороной.

Глава 1. Питер Рейкир – самый молодой и самый отчаянный капитан флота

Тем, кто не бывал в открытом космосе и никогда, даже в самых волшебных детских снах, не предпринимал межгалактических звёздных перелётов, в жизни не представить себе всего того многообразия, что царит в, казалось бы, совершенно пустом пространстве.

Человек освоил Солнечную систему, свой родной дом, и вышел на просторы Вселенной. Его звёздные корабли уютят торговые пути точно так же, как их земные собратья. Военные крейсера, наштипованные нанороботами и нейтронными пушками, изнемогая под собственной тяжестью и агрессией, движутся на задания. Полицейские межпланетные катера, шныряющие повсюду, недразразведчики, пассажирские, торговые, научные и даже рекламные суда заполнили Галактику.

Уже выросло не одно поколение смелых исследователей космоса. Их именами названы кратеры и ущелья на далёких планетах – подобно тому, как когда-то имена их предков украшали карты Земли. Скоро, совсем скоро не останется ни одного белого пятна в масштабах Вселенной. А настоящих заданий всё нет.

Так или приблизительно так думал Питер Рейкир, вышагивая по направлению к Центру полётов. Никто не узнал бы в этом парне офицера флота, так молодо и легкомысленно он выглядел. Тощий, с задорной, вечно мешающейся на глазах чёлкой, серьгой в ухе и здоровенных отцовских ботинках, этот выпускник космического университета напоминал скорее уличного шалопаю, чем дипломированного специалиста.

Питер Рейкир был капитан-неформал. Необычные методы управления кораблём – не те, которым учат в Университете флота, – снискали ему славу бунтаря. Свои знания о жизни и космотехнике Питер почерпнул не из интерактивных учебников и симуляторов, а из самых настоящих приключений на корабле своего отца, капитана Морриса Рейкира, пропавшего без вести тому восемь лет. Перед глазами стояли детские воспоминания об отце и первые юношеские пробы штурвала под его чутким руководством. Такая летная практика, безусловно, обеспечила выбор его призвания. И хотя экзамены Питер сдавал с большими трудностями, ведь шаблоны никогда не умещались у него в голове, среди сотни студентов его выпуска в свои двадцать три он имел самый большой опыт полётов в межпланетном пространстве. Пока его одноклассники только-только учились ходить на орбиту Земли, сей бравый юноша запросто мог вывести свою ученическую посудину за пределы Солнечной системы.

Как и любому рвущемуся в бой молодому капитану, не получившему пока ещё шанс показать себя, Питеру часто казалось, что профессора университета недооценивают его. Между тем это было совсем не так. За способным, хотя и чересчур шустрым студентом велось пристальное наблюдение. Руководство возлагало на него определённые надежды, как на отпрыска славного капитана М. Рейкира, входившего в десятку лучших военных штурманов своего времени.

По выпуску из университета, когда настал час определяться со своей будущей судьбой, Питер почувствовал, как невидимая рука ведёт его по лабиринтам военной бюрократии, и пока

он колебался, связать себя с армией или уйти на гражданские корабли, в УНА (Управление национальной авиации) уже определили его будущее косморазведкой.

В череде космических подразделений разведка стояла особняком. Туда брали только лучших выпускников университета, и далеко не все из них сразу же получали собственный корабль в руководство.

Питер получил. Правда, на эту развалюху стоило бы посмотреть. И хотя он мысленно окрестил её «Миссия невыполнима», всё же это была собственная посудина, где он стал капитаном. А так как в соответствии с табелью о космических судах имя для корабля было выбрано женское, значилось во всех справочниках и классификациях и не подлежало изменению, Питеру оставалось только вздохнуть и сказать: «Привет, "Клементина"!»

На этом везение новоявленного космического волка закончилось. И вместо героических и неизменно оптимистических мечтаний голову Питера заполнили новые и не всегда приятные заботы. Мечта и реальность, как это часто бывает в жизни, стремительно удалялись друг от друга. Основная проблема состояла в том, чтобы как можно скорее предъявить на утверждение новую команду.

Сколотить хороший коллектив нелегко, а ведь от этого зависит жизнь всего экипажа и самого корабля. И тут новоиспечённого командира ожидали первые сложности.

По Уложению о лётных составах космических судов капитан судна класса «А (3)-косморазведка» имел право набирать команду количеством шесть человек самостоятельно, за исключением первого или старшего помощника – его назначали в УНА. И если был на свете человек, менее соответствовавший данному званию в понятии Питера, так это доктор Гафф.

Доктор Гафф имел две особенности. Первая состояла в том, что медик по основному образованию, по дополнительным специальностям он был также биолог, химик, грунтовед, геолог и физик-релятивист – невероятно удобное сочетание для УНА. Вторая же и главная заключалась в том, что ещё никому не удавалось заставить доктора Гаффа поработать. Он был неуловим, причём неуловим в пределах одной корабельной палубы, не говоря уже о целом корабле. К тому же в процессе знакомства обнаружилась ещё одна неприятная черта – отвратительный характер. Едва увидев Питера, Гафф воскликнул с пафосом, простирая вперёд указующую длань:

– Капитан-молокосос прямиком из песочницы! Я мечтал об этом всю жизнь!

А поскольку в начале своего вхождения в должность первый помощник выражался исключительно короткими сентенциями в двух-трёх словах, не больше, можно себе представить, какое впечатление произвёл на него молодой Рейкир, если исторг из глубин докторского сарказма целую фразу!

Оставалось гадать, почему именно такого человека Управление назначило Питеру в помощники. У молодого капитана была на этот счёт своя версия. Сменивший с десяток кораблей, нигде не приживающийся доктор ненавидел военных и их субординацию. Гражданский же флот он презирал, причём чувство это было взаимным (капитаны были наслышаны о его специфике), так что единственно возможным местом службы для него оставалась научная разведка. А лучшего способа унижить заслуженного астронавта, чем поставить его под начало мальчишки, нельзя было и придумать.

Так, по крайней мере, думал Питер. Его близкое знакомство с доктором состоялось на следующий же день, когда Гафф проигнорировал утреннюю поверку. Взбешённый капитан призвал первого помощника на мостик.

– Объясните причину неявки! – потребовал он.

– Навещал свою бабушку, – заявил эскулап печально.

– Надеюсь, с ней всё в порядке?

– Не сказал бы, – доктор пустил скупую мужскую слезу, – геморрой – не самое весёлое заболевание.

– С таким старпомом, как вы, я это уже чувствую на себе, – вздохнул Питер.

Хорошо ещё, что судовых механиков он выбрал сам. Боба и Доба Рейкир присмотрел на студенческой аэровыставке, где два брата-близнеца представляли свои проекты в числе прочих. Они были двумя курсами старше и уже успели налетать свои часы помощниками механиков на больших гражданских судах. Но, как они сами говорили, на гражданке нет размаха, а в армии – места творчеству. Так что, поразмыслив, никогда не разлучающиеся бродяги приняли предложение зелёного капитана, «сына того самого Рейкира», и «подняли "Клементину" на руки», став полноправными и единоличными властителями всей её механической души.

Первым делом братья взялись за двигатели, поменяв старые нейтронные установки на новые аннигиляционные с собственным секретом, разглашать который не соглашались ни под каким видом. Рейкиру оставалось только довериться им полностью, и обновлённая «Клементина» радостно засияла преображённой кормой в ущерб старым клёпкам и серым заплатам на фасадной части.

На утреннем построении пухлые коротышки Боб и Доб нелепо смотрелись на фоне нависающей сутулой фигуры доктора Гаффа, который, со свойственной ему непосредственностью, не преминул высказаться, увидев братьев:

– Однояйцевость – не порок.

Чем привёл близнецов в полное замешательство, так как, подобно многим техническим wunderkindам, они были абсолютно темны по части других наук.

Итак, костяк был набран, оставалась вторая половина. И тут капитана Рейкира ждала новая загвоздка.

Согласно всё тому же Уложению о командах космических судов класса «А (3)», треть экипажа должна составлять команда противоположного пола. А поскольку, по меткому выражению доктора Гаффа, помимо мужского пола никакого другого, кроме женского, на Земле ещё не придумали, надлежало включить в состав двух дам.

Питер почесал в затылке. С женщинами он имел дело только от случая к случаю, не принимая во внимание, конечно, мать и сестру. Они жили в предместье Лондона в собственном крохотном домишке, куда Питер, к своему стыду, навещался весьма нерегулярно. Но что делать, если у молодых людей его возраста категорически много дел и так же категорически мало времени. Так что о прекрасной половине человечества Питер имел весьма расплывчатое представление.

– Бабы – зло, – высказался, как всегда, недвусмысленно Гафф.

– Факт, факт, – закивали в согласии Боб и Доб, оба счастливо женатые.

– Однако, – размышлял Питер, слегка удручённый, – устав ясно говорит...

– Устав – к братьям, в задний отсек, – последовал патетический совет от эскулапа.

Но жизнь рассудила по-своему. И однажды утром обладательница романтического имени Ванесса впервые вошла на корабль. Ступени трапа прогнулись под ней. Вечно торчащие под фюзеляжем, вылезли близнецы, озадаченные странным звуком, который издавала испуганная лестница. Питер дежурил на мостике, и даже Гафф материализовался будто бы из воздуха, заинтригованный моментальным затишьем. Через секунду перед удивлённой командой предстала прекрасная незнакомка 150 кг весу, темнокожая, с толстенной косой кучерявых волос и руками, словно созданными для того, чтобы печь пирожки и блинчики.

– Штурман Вудс, – представилась она, пожимая руку смущённому капитану, – и я выбрала вас потому, что вы все худые, – заявила она в продолжение, отчего плотные близнецы, давно мечтавшие похудеть, округлили глаза и втянули животы.

– Ты похожа... – начал Доб в восторге.

– Ну? – угрожающе взглянула на него толстушка.

– На шоколадный маффин!

– Зато я знаю наизусть все эксцентриситеты орбит, – отбрила Ванесса незадачливого механика, который так и остался с открытым ртом, пока брат не дал ему подсачку.

– Что скажете? – обратился Питер к первому помощнику.

Доктор в сомнении покачал головой.

– Затрудняюсь. Может, надо глистов прогнать?

Ванесса гордо вскинула подбородок.

– Только под вашим непосредственным руководством, док. Сразу после того, как капитан примет меня в команду.

– Я... – замешкался Питер в смущении.

– Вы не пожалеете, сэр.

Питер нехотя кивнул.

– Хорошо. Нам нужен хотя бы один, у кого все дома.

Ванесса оказалась вторым помощником, а её слова о весе были отнюдь не пустым звуком, так как, согласно приснопамятному уложению, общий вес команды не должен превышать... Ну и тому подобное. Таким образом, имея неплохой послужной список и звание офицера, Ванесса была вынуждена кочевать из команды в команду. Невзирая на прошлые заслуги, капитаны неохотно брали её на службу, так как по весу она одна стоила двух членов экипажа.

Коротко переговорив с ней, Рейкир пришёл к выводу, что лучшего помощника нельзя и желать. Жизненным оптимизмом и здравомыслием толстушка выгодно отличалась от остальных членов его команды. Правда, на круг выходило, что по весу их было уже пятеро, а не четверо, но, слегка поразмыслив, Питер отдал приказ укрепить ступени трапа. И надо сказать, ни разу не пожалел об этом.

Всё же ему определённо фартило.

Вечером того же дня молодой капитан столкнулся на улице с другой колоритной фигурой. Прямо посреди проезжей части, где мимо него носились электро- и гравитомобили, стоял самый настоящий японец и испуганно оглядывался на возмущённые гудки, подаваемые удивлёнными водителями. Из-под мышки торчал скатанный в рулон соломенный коврик, а в руке гость держал крошечный медный чайник. Капитан Рейкир, слабо разбирающийся в национальных вопросах, тем не менее сразу определил, что незадачливый пешеход прибыл из страны восходящего солнца. Дело в том, что он был одет ну точь-в-точь как персонаж со старинных японских гравюр, книжка коих досталась Питеру в наследство от отца и которую именно поэтому он любил перелистать на досуге. Рейкир мигом узнал и традиционный чёрный халат, едва прикрывающий колени, и белую рубаху, и сабо на ногах, держащиеся на тоненьких верёвочках, завязанных на лодыжках крест-накрест, а самое потешное – белоснежные плотные гольфы, впрочем, уже порядком запылившиеся.

Рейкир решил, что странный чудака на самом деле турист, помешанный на национальном колорите. В последнее время повсюду стало модным подчёркивать в одежде свою индивидуальность посредством традиционного народного костюма.

Недолго думая, Питер сделал манёвр на своём турболёте, подхватил гостя и доставил его на тротуар. Японец посмотрел, испуганно поморгал глазами и вдруг затараторил что-то на совершенно непонятном Питеру языке – по-видимому, японском. Это уж было совсем странно, так как в современном Питеру мире знание единого международного языка давно и прочно стало самым естественным и обыденным делом. А тут вдруг японский! И сколько бы Рейкир ни старался порасспросить незнакомца о том, кто он и как попал на проезжую часть, толку не выходило, так как тот, очевидно, ни слова не понимал ни на каком другом наречии, кроме родного. Пришлось везти его в Совет по туризму.

Питер припарковал турболёт в слотах и сделал приглашающий жест рукой. Странный незнакомец слегка воодушевился и радостно закивал, похихикивая в кулачок.

«С Луны он свалился, что ли?» – досадовал Рейкир на задержку, так как боялся опоздать на корабль к вечерней поверке. Японец послушно семенил за ним следом, время от времени ударяя себя в грудь и провозглашая одно какое-то очень странное короткое слово, к которому потом прибавились ещё два. Питер ничего не понимал. «Кок-кок, – кудахтал абориген, – суси, сасими» – и так без конца. Рейкир, который, напрягая свою память, смог вспомнить по-японски только «аригато», что означает «спасибо», не преминул воспользоваться этим волшебным средством и применял его всякий раз, когда японец затевал разговор.

Так они и шли по улицам (благо до Туристического департамента было рукой подать), бормоча каждый свои заветные слова и совершенно не понимая друг друга. Когда невдалеке уже показалось здание совета, гость, заметив, куда его привели, с отчаянным криком вновь рванулся на дорогу, прямо под пролетающий мимо электромобиль. Рейкир едва успел ухватить его за полу. По всему выходило, что Питер не первый, кто маялся с колоритным туристом, пытаясь сплавить его профессионалам из департамента. Разозлившийся Рейкир хотел уже было отчитать недисциплинированного японца (наплевать, что тот не знает языка, интонацию-то каждый поймёт), но вдруг натолкнулся на его умоляющий взгляд и замолчал. «Кок-кок», – твердил бедняга, и в глазах его стояли слёзы.

– Хорошо, – сдался наконец Питер и взглянул на часы. До вечернего построения оставалось пять минут. – Пошли со мной. Понимаешь, если я задержусь хоть на минуту, у моего старпома аппетит пропадёт. Позже разберёмся, что с тобой делать.

Так Саито оказался на корабле Питера и его команды. Имя своё он сказал сразу, едва переступив порог. Не переставая кланяться, гость повторял его на все лады, так что даже доктор Гафф передумал шутить по этому поводу. А Боб с Добом, поняв, что от туриста толку не добьёшься, плюнули в сердцах и отправились по своим делам. Рейкир же остался с японцем. По законам гостеприимства его следовало накормить. Едва только увидев камбуз, Саито громко возликовал. Он стал кланяться ещё ниже и ещё быстрее и не переставая жал Питеру руку, так что та в конце концов онемела от тряски. И не успел капитан Рейкир опомниться, как турист развернул свой коврик прямо посередине кухни на полу и уселся на него, свернув ноги калачом. Питер ошалело взирал на его манипуляции. «Харасё, харасё, – услышал он наконец, – кок-кок, суси, сасими, Саито». Довольная физиономия гостя, по-видимому, не собирающегося покидать пределы корабля во веки веков, судя по его уверенному настрою быть счастливым именно в этом месте и именно в это конкретное время, окончательно сбила Питера с толку.

– Ты взял повара-японца? – заинтересованно спросила Ванесса, на минутку заглянувшая на камбуз.

– С чего ты решила? – удивился Питер.

– Да он же постоянно твердит тебе об этом! – хмыкнула Ванесса и унеслась прочь, при этом посудные полки в камбузе загрохотали от тяжести её шагов.

Питер повнимательнее прислушался к бормотанию Саито.

– Кок? – переспросил он наконец, недоверчиво глядя гостю в глаза.

– Кок-кок! – радостно и широко заулыбался тот. – Суси, сасими.

– Что ж ты сразу не сказал, чужак?!

– Сюдак-сюдак, – подтвердил довольный Саито. И с этими словами окончательно и бесповоротно прописался на борту «Клементины».

Команда по-разному отнеслась к новости о том, что камбузом отныне будет заведовать человек, во-первых, ни слова не понимающий на общем языке, а во-вторых, готовящий исключительно специфические блюда.

– А он нас не отравит? – недоверчиво покосились на новоявленного повара близнецы. Ванесса сделала большие глаза.

– Да вы банку ботулистических консервов сожрёте и добавки попросите, – заявила она.

– Именно японца-натуропата нам и не хватало, – длинно высказался доктор.

- Можно подумать, что все остальные здесь нормальные люди, – фыркнула толстушка.
- Я нормальный, – тут же взвился Доб.
- Это вряд ли, – доктор почесал свой нос и задумчиво посмотрел на Саито.
- На блюдах японской кухни я смогу похудеть, – заявила второй помощник.

Ну а когда новенький застенчиво и с опаской раскрыл на груди полы своего халата и оттуда выглянула серенькая крошечная мордашка, Ванесса окончательно встала на его сторону. Она пищала и визжала, как умеют только женщины при виде хорошеньких котят, и ни за что не согласилась бы променять его на кого-нибудь другого.

– Васика, – нежно твердил Саито, прижимая к себе маленькое существо. Было видно – он опасался, что их с Васькой могут выгнать на улицу, если животное придётся на корабле не ко двору. И было так же совершенно ясно, что в этом случае Саито, не колеблясь, последует за своим другом в изгнание, каким бы тяжким оно ни было, даже если бы пришлось ещё раз навестить Совет по туризму.

- Ну уж нет, – вырвалось у Питера при взгляде на кота.
- Живность – это негигиенично, – заявил доктор.

Ванесса упёрла руки в боки.

- Я б устроила конкурс, кто тут живность!

И послала Питеру умоляющий взгляд.

Молодой капитан слегка смутился. У него пока ещё не выработалась устойчивость к умоляющим женским взглядам.

- Ну хорошо, – сдался он, – но только до вылета.

Саито забавлял его. Он казался простодушным и очень исполнительным. Корабельная кухня засверкала идеальной чистотой, а когда вся команда в полном составе явилась поглядеть, как он готовит обед, дальнейшие колебания по поводу приёма его на работу отпали сами собой.

– Что это он делает с лапшой? – спросил Доб брата, стоя на камбузе и тараща глаза на манипуляции Саито с тестом.

- Ты что, не видишь, – перехватил инициативу Гафф, – он самоистязает себя ею.

Довольный и серьёзный Саито в тот момент священнодействовал над лапшой удон, раскатывая длинные тонкие нити посредством удара ими о собственную спину, как это принято в традиционной кулинарии.

– Люблю японскую кухню, – весело подхватил Боб и смылся по делам, оставив других членов экипажа не отрываясь следить за представлением.

Глава 2. Экипаж «Клементины»

Через несколько дней держали совет на мостике «Клементины». Пять человек команды плюс кот, итого – около допустимого веса. Шестой астронавт был здесь явно лишний, ибо весу на него отпущено предельно мало, ровно столько, сколько весит ребенок шести-семи лет.

– Надо избавиться от повара, – подали идею Боб и Доб, – вон он сидит, жмурится, всё равно ни черта не понимает. Его вес, плюс вес кота, да плюс то, что осталось, всё вместе – полноправный человек.

– Не пойдёт, – сказал Питер, – всё равно будет пятеро, а нужно шесть. И непременно женщина.

Все украдкой поглядели на Ванессу, та огорчённо молчала.

- Шерше ля фам, – вздохнули братья.

Неожиданно у парочки туземцев нашёлся защитник.

– Лучше коты, чем бабы, – упрямо гнул свою линию Гафф, нимало не смущаясь присутствием Ванессы.

- Первый помощник, вы повторяетесь, – с иронией бросил Питер.

- Повторение – залог успешного лечения, – заявил несгибаемый доктор.

Совещание зашло в тупик.

– Встал мне этот Васька поперёк горла, – размышлял Питер, задумчиво наблюдая, как близнецы истязают Саито. Зажав японца в углу и вооружившись разговорником, братья мучили его вопросами:

– Do you speak English? Sprechen Sie Deutsch? Parla Italiano?¹

На все попытки вырвать у него хоть слово Саито лишь дружелюбно кивал в ответ, всем своим видом показывая полную отрешённость от действительности. Но братья не сдавались.

– Parlez-vous Francais?² – доносилось до Питера.

Он уже хотел прекратить издевательства близнецов, как вдруг неожиданно раздался отчаянный писк. Это Васька, привлечённый покачивающейся ногой доктора, решил, что с ним играют, и вцепился в икру первого помощника тончайшими иголками всех своих коготков. Эскулап взвыл и, подняв вредителя за тощий хвост, раскачивал его перед своим недоуменным взглядом. Котёнок издавал оглушительные вопли, услышав которые, встрепенулся наконец Саито и с самурайским кличем бросился на защиту своего маленького друга.

Васька медленно болтался, точно маятник, на виду у всей команды, громко протестуя против подобного обращения и не подозревая даже, что в тот самый миг решается его судьба.

– Эврика! – вдруг, подобно Архимеду, воскликнул доктор, нехотя отбиваясь от возмущённого Саито.

– Лучше коты, чем бабы. Даже если эти коты – бабы!

Питер с Ванессой посмотрели друг на друга.

– Что это значит, доктор Гафф? Васька – кошка?

– Ну и что... – разочарованно протянули Доб и Боб, – кот или кошка, какая разница? Вес-то от этого не изменится.

– Вес-то, может, и не изменится, но изменится расстановка сил, – сказал Питер, переглянувшись с доктором.

Команда воззрилась на него с удивлением. Саито перестал подпрыгивать в тщетных попытках достать до котёнка. И даже сам Васька замер на минуту, ещё больше распахнув свои и без того огромные глазищи.

– Если принять кошку за члена команды, мы наберём наш процент противоположного пола. Ведь в уложении не сказано, что это обязательно должен быть человек. У нас есть капитан, есть штурман, есть врач и учёный, есть два механика и даже собственный кок. В нашем случае одна штатная единица явно лишняя, и, если мы заявим, что последним членом нашего экипажа стала некая Васи́ка Саито, думаю, что вопросов не возникнет. По крайней мере, чтобы сохранить наш состав, стоит рискнуть.

Послышался громкий выдох.

– Но как мы её обозначим? В какой должности?!

– В должности шкипера, конечно! Ведь тогда ей будут не нужны лётные характеристики и документы об окончании космического университета. Всем известно, что шкипер – профессия сугубо хозяйственная. Чистоплотнее кошки зверя нет, значит, Васи́ка будет заведовать у нас «помывочным» хозяйством, истреблением грызунов, ну и по кухне, если что, поможет.

На том и порешили. Васька окончательно переименовался в Васи́ку и остался в команде, в скором времени превратившись в изящную пантеру пепельного окраса.

После того памятного вечера, когда решилась её судьба, она вспылала неожиданной любовью к доктору Гаффу. Не проходило и часа, чтобы тот с руганью и громким хлопком не выбрасывал её за дверь своего кубрика, но неутомимая преследовательница так ловко умела просачиваться в любую щель и обладала таким завидным упорством в достижении цели, что

¹ Вы говорите по-английски? Вы говорите по-немецки? Вы говорите по-итальянски?

² Вы говорите по-французски?

старшему помощнику наконец-то пришлось смириться. Да и что он мог сказать, если сам провозгласил, что коты лучше, чем бабы... ну и тому подобное. В сердце Васики он прочно занял первое место, потеснив там даже повара Саито. Вероятно, мудрая кошка сразу вычислила, кто из команды находится в касте неприкасаемых, назначенных самим начальством, и решила, что именно с ним-то и будет она, Васика, чтобы плотно закрепиться на корабле.

Глядя на мучения доктора, то и дело сбрасывающего любвеобильную приятельницу то с колен, то с плеч, куда она научилась взлетать в мгновение ока, Питер только посмеивался, так как Васика служила теперь отличным ориентиром в поисках неуловимого Гаффа. И если раньше они с Ванессой коротко вздыхали по утрам, замечая отсутствие доктора на рабочем месте, то теперь он иногда добредал до мостика управления, ибо, по счастливому для Питера совпадению, Васика боялась пульта, мигающего разноцветными огнями и издающего неприятные для кошачьего уха позывные, и потому это было единственное место, где она оставляла Гаффа в покое, с обиженным мяуканьем скрываясь в недрах корабля. В таких случаях она шла на камбуз жаловаться Саито – своему первому хозяину, где неизменно получала что-нибудь вкусненькое.

Таким образом, команда оказалась укомплектованной. Осталось получить официальную регистрацию и первое настоящее задание на поприще косморазведки, для чего оба помощника и Рейкир явились в главное управление УНА предъявить свои лётные полномочия и характеристики остальных членов экипажа.

Это был необыкновенный день. Огромный зал славы УНА блистал огнями. Около сотни молодых новоиспеченных капитанов и их помощников выстроились рядами вдоль почётных стел с надписями имён героев космоса – среди них было и имя отца Питера. Белозубые улыбки сверкали ярче начищенных до блеска аксельбантов и пуговиц на новых с иголки мундирах. Питер, Ванесса и Гафф тоже заразились всеобщим духом торжественности. Капитаны здесь были разные, но все юные и неопытные, в отличие от их помощников – в основном бывалых космических вояк и путешественников. Торговый, пассажирский и военный флот стоял вперемишку, и определить, кто же ещё относится к косморазведке, не представлялось возможным. В УНА придерживались политики разграничения и секретности, и все виды разведки были строго засекречены. В частности, «Клементина» для непосвящённого имела внешние знаки отличия грузового судна. Конечно, профессионалы высшего военного управления знали разведчиков наперечёт, остальные могли только строить предположения относительно принадлежности той или иной судовой единицы.

Стоя в толпе выпускников, Питер то и дело узнавал своих друзей и махал им рукой. Многие из них получили собственные корабли под начало, кто-то – побольше и поновее, ну а кто-то – поменьше и с большим жизненным опытом. Сейчас это уже не имело значения. Всеобщая радость сгладила все текущие неприятности. Капитаны вручали паспорта своих команд и получали взамен официальный реестровый номер и первую в их жизни миссию.

Регистрация экипажа прошла успешно. Никто не заподозрил мисс Саито в её животном происхождении. Пришла пора получить первое задание. Дрожащими руками, сдувая непокорные пряди со взмокшего лба, капитан Рейкир завёл чип УНА, вложенный по традиции в чистый белый конверт (в память о давних временах освоения космоса), в наручный инфосчитыватель. Маленький кусочек электропластика содержал в себе данные о первой космической задаче «Клементины». С замиранием сердца Питер прочёл вслух: «Миссия 3101: Земля – Луна – Земля. Доставка археологического оборудования. С-С-запад. Океан Бурь. Точные координаты... Ответственный – профессор Вайс. Срок исполнения миссии... Желаем удачи».

Ванесса разочарованно протянула:

– Мы не грузовой корабль. Что за ерунда?!

Питер был с ней полностью солидарен. Душа просила чего-то настоящего, далёкого, опасного, чтобы отцу, где бы он ни находился, было за него не стыдно. И вдруг Луна! Это всё равно что за город на пикник съездить.

Досадная новость собрала всю команду на мостике. Боб и Доб ходили расстроенные. Они-то надеялись испытать новые чудо-двигатели на настоящем разгоне, и вдруг такое разочарование!

Саито лишь тяжело вздохнул, видя общее настроение, и ещё больше зажмурился. Питер показал ему на восходящий месяц. Радости японца не было предела. В его стране нет более популярного небесного тела, чем Луна, о чём вдохновлённый повар не преминул тут же сочинить танка.

Доктор Гафф скептически наморщил лоб.

– Если Луна существует, должен же на неё кто-то летать.

И медленной демонстративно-равнодушной походкой первый помощник пошёл с мостика. Но раздосадованный Питер остановил его.

– С сегодняшнего дня, доктор, мы находимся в условиях миссии, – сказал он. – Соблюдайте субординацию, не покидайте мостик без моего разрешения и, являясь по первому требованию, выполняйте без обсуждения все приказы вашего капитана, то есть меня. Отныне мы одна команда и действовать должны чётко и слаженно. Надеюсь, это всем понятно?

– Так точно, сэр. Есть, сэр, капитан Рейкир, – ответили Питеру в один голос братья и Ванесса. Даже Саито вытянулся.

– Разрешите удалиться, сэр? – иронически спросил доктор.

– Разрешаю. Команде вольно и отбой. Отдыхайте, друзья. Приказы не обсуждают, – твёрдо сказал Питер, хотя в душе он прекрасно понимал общее недовольство, – Луна так Луна. Ну что, Васи́ка, хочешь побывать на Луне? Вылет через неделю.

Васика меж тем намывала гостей.

Глава 3. Миссия 3101: Земля – Луна

Профессор Вайс оказался женщиной. Да ещё какой! На утренней поверке, когда выстроившийся экипаж отчитывался о состоянии корабля, раздались позывные с улицы. Четыре электромобиля, гружённые тяжёлыми по виду ящиками, сигналили с плаца.

Рейкир заглянул в экран камеры наблюдения.

– Это, вероятно, археологи.

Питер приказал спустить трап и принять по описи все документы и груз. Не успели близнецы удалиться, как дверной проём заслонила чья-то высокая фигура. Перед Питером стояла молодая женщина в невыносимо блестящих сапогах, одетая в широкие солдатские галифе и белоснежную армейскую рубашку. Тёмные волосы, стянутые на затылке в конский хвост, отливали антрацитом. Незнакомка была необычайно худа и долговяза, чему ещё в немалой степени способствовали каблуки и высокая платформа её сапог. Крючковатый нос придавал лицу хищный, чуть загадочный вид. Раскосые глаза внимательно осмотрели каждого в отдельности и безошибочно выделили капитана.

– Профессор Вайс, – представилась она Питеру громко и решительно, протягивая руку. – Предъявите ваши полномочия по миссии.

После короткой проверки документов археолог решила познакомиться со всей командой.

– Профессор Вайс, – говорила она, протягивая каждому два пальца, обтянутых чёрной кожей перчатки.

Скандализированный её учёной степенью, доктор Гафф шаркнул, представляясь:

– Гафф, просто Гафф.

– Старший помощник, доктор Гафф, – поправил его Питер.

– Наслышана вашей теорией равенства анигиляционных скачков, – произнесла профессор, и все услышали металлический немецкий акцент в ее голосе, – считаю ее полным бредом.

Доктор Гафф, впервые изменив своему остроумию, спал с лица и в первую минуту не нашёлся что ответить на столь безапелляционное заявление.

– Мы с вами поспорим, а пока разрешите мне заняться погрузкой, – продолжила Вайс, помахивая, словно хлыстиком, гравитационным устройством для поднятия тяжестей.

Команда переглянулась.

– Хорошо, что только до Луны, – певуче протянула Ванесса.

Через полчаса профессор Вайс уже по-хозяйски расположилась в лучшей каюте «Клементины».

– Ну и развалюха у вас, – заявила она во время обеда, когда вся команда и гости собрались за одним столом. – Дотянет до места?

– Надеюсь, – холодно сказал Питер, – если только в УНА не хотели от вас избавиться.

Вайс не пожелала замечать иронию.

– Вы – мой четвёртый корабль. Остальные три находятся под руководством моего помощника, мистера Лавендиша, и полностью отданы под транспортировку оборудования и членов моей группы. Основная её часть, правда, уже ждёт меня на Луне. Местный исследовательский центр по изучению спутника согласился помочь. «Клементина» же доставит только меня и самое ценное из моего груза – тончайшие приборы.

Питер заметил, что слова «мой, моё, мои» повторяются в лексиконе профессора весьма часто.

– Приборы для чего? – недоверчиво поинтересовался доктор Гафф.

– Для археологических исследований, конечно. Станный вопрос, для чего же ещё? – Вайс пожала плечами.

– Лунная археология! Подумать только! – вставила Ванесса не без ехидства. Уж кто-кто, а она-то, испытанная в полётах, прекрасно знала, как УНА умеет маскировать задания, особенно военные. Да и не похожа эта профессор Вайс на учёную даму, скорее уж её место в строю.

– По Луне что, бегали динозавры? – наивно поинтересовались близнецы.

Но профессор приняла их неосведомлённость за сарказм и сердито сдвинула брови.

– Динозаврами занимается палеонтология. Я же исследую человеческую цивилизацию и её наследие. Кроме того, я обязана поставить вас в известность, что моя миссия секретна, именно поэтому я выбрала косморазведку, а не лечу на грузовом судне.

Питер подумал, что военный корабль куда больше подошёл бы манерам профессора Вайс.

– Вы сказали, человеческую цивилизацию? Неужели на Луне кто-то жил до нас? – удивилась Ванесса.

– Конечно! – тут же встрял старший помощник, напирая на букву «Ч». – Лунатики.

Скрестив руки на груди, Питер с интересом наблюдал перепалку. Всё, что имела в виду Ванесса, заботило и его. Профессор Вайс что-то скрывала, это было ясно.

Столкновения начались на следующий же день, когда стало понятно, что гостя категорически против прокатиться до Юпитера.

Дело в том, что нетерпеливые в работе Боб и Доб уговорили Питера во что бы то ни стало проверить двигатели «Клементины» на разгон. Делать это на расстоянии Земля – Луна, да ещё с выходами на обе орбиты, не имело никакого смысла для сверхскоростных установок близнецов – слишком маленькая дистанция. Братья предложили Сатурн, Рейкир – Марс, сошлись на Юпитере.

Будь Питер постарше и поопытнее, он наверняка поостерёгся бы отклоняться от курса миссии – мало ли что может случиться в пути. Но молодость и жажда приключений победили

слабый голос осторожности. Кроме того, отец говорил ему, как важна в экстремальных ситуациях отличная работа двигателей, их манёвренность, наполняемость и тому подобные характеристики.

Но профессор Вайс этого не знала и не хотела знать.

– Мы летим на Луну и только. Ваша миссия, капитан Рейкир, указана в задании ясно, и вы не имеете права менять её по своему усмотрению, – отчеканила непреклонная дама.

Ванесса, которая первоначально была против прогулки до Юпитера, услышав аргументы, а главное, тон Вайс, встала на сторону капитана.

– Да, но в задании не сказано, какой курс нам выбирать, это право капитана, – заметила она.

– Вы, может быть, не поняли, – гнула своё возмущённая профессор Вайс, и тонкие губы её надменно изогнулись, – моя миссия топ-секретна.

– Тем важнее полётные характеристики, не так ли? – не сдавался Питер.

– Но вы меня задерживаете!

– Профессор Вайс, мы ценим ваши заслуги в археологии, но на «Клементине» я капитан, – сказал Питер, отчаянно покраснев, – здесь только я и мои помощники прокладывают курс. Вам надо быть на Луне в срок, оговорённый заданием, – вы там будете. Ну а решать, как это случится, предоставьте нам.

Во взгляде доктора Гаффа промелькнуло что-то похожее на уважение.

Был дождливый день, и прогноз погоды не обещал прояснений, когда «Клементина» собралась «поднять паруса» и покинуть привычный мир ради неизвестности космоса. Вся команда с трепетом рапортовала на мостике перед отлётом, чтобы получить последние указания и посмотреть друг другу в глаза. Каждый спрашивал соседа: «Могу ли я доверять тебе?», ведь впереди сложная и часто опасная работа, которая потребует от людей самоотверженности и выдержки.

«Клементина» стартовала ровно в девять часов утра по Гринвичу и взяла курс на околоземную орбиту. Волшебные двигатели молчали до времени, когда корабль сможет выйти на открытый простор. Так что старушка гремела и кряхтела, неторопливо переваливаясь с крыла на крыло, пока преодолевала земную атмосферу. То и дело мимо проносились суда, большие и маленькие, быстрые и не очень, новенькие с иголочки и штопанные развалюхи, похожие на «Клементину». В околоземном пространстве кипела жизнь.

Паря над голубыми с жемчужной поволокой просторами, «Клементина» успела сделать два витка вокруг планеты, прежде чем центр полётов УНА дал добро на выход в открытый космос. Слегка дрожащей рукой Питер нажал на рычаг ускорителей. Раздался громкий хлопок, всю рубку управления заволокло сизым дымом, а когда капитан и Ванесса смогли наконец прокашляться и стряхнуть с себя фиолетовый, неведомо откуда взявшийся пепел, то оказалось, что «Клементина», легко миновав околоземное пространство, приближалась к Луне, до которой в прежние времена было три дня лёта. Новые двигатели работали как часы. Больше не было слышно ни скрежета, ни визгов старой обшивки, не ощущалось ни малейших толчков. Легко раздвигая космические волны галактики, корабль плавно нёсся к цели.

За спиной Питера послышались аплодисменты и чихание. Чихала Васи́ка, мгновенно шмыгнувшая прочь с плеча старшего помощника Гаффа, появившегося в рубке. Доктор не мог позволить себе явиться вовремя к началу полёта, а мудрая Ванесса уговорила Питера дать ему время привыкнуть к новой команде. И хотя факт нарушения дисциплины был налицо и представлял собой нечто совершенно недопустимое по уставу о полётах, Питер решил, что, если весь предыдущий опыт общения других капитанов с Гаффом не принёс желаемого эффекта, он, как старший по званию, обязан найти альтернативное влияние на помощника. Что толку было конфликтовать и командовать, если доктор Гафф, как в том уже успел убедиться капитан

Рейкир, абсолютно игнорировал как первое, так и второе и с большим удовольствием сидел на губе в случае наказания. По-видимому, плоды педагогических усилий Питера увенчались некоторым успехом, раз первый помощник самолично явился в рубку наблюдать за отлётом.

– Bravo! Оказывается, мы умеем летать, – констатировал доктор Гафф.

– И не хуже других! – воскликнула Ванесса, ласково глядя на братьев, явившихся за своей порцией одобрения.

– Саито звать всех ам-ам суси. Потом читать танка, славить лодка, – раздался голос кока по внутренней связи.

Со времени его жизни на корабле Саито слегка поднаторел в общем языке.

– Что-что? – не поняли Боб и Доб. – Что славить?

– Наш повар хотел сказать, что сначала завтрак, а после намечается творческий конкурс. Каждый обязан сложить прекрасное пятистишие в честь первого полёта «Клементины», – пояснила Ванесса.

– Ты понимаешь по-японски? – от удивления глаза братьев стали круглыми.

– Боюсь, для стихов у нас нет времени, – заметил Питер. – Ещё пара часов, и мы у цели – орбита Юпитера. Делаем разворот и ложимся на обратный курс. Где профессор Вайс?

– Дуется, – сообщили довольные близнецы, – заперлась у себя и не выходит.

– Ничего удивительного, человек переживает за своё дело, – заметила Ванесса.

«Клементина» безмятежно парила в безвоздушном пространстве, ничем не выдавая своих скоростей. Двигатели братьев работали стабильно, таинственные физико-химические процессы в их чреве происходили в соответствии с ожиданиями и по запланированной схеме. Члены команды могли наконец слегка расслабиться. Питер хотел уже было отдать дань кулинарным талантам Саито, отправившись на камбуз, как вдруг неожиданно раздался тонкий писк с панели управления.

– К нам приближается какое-то судно, – отрапортовала Ванесса.

– Патрульный катер? – взглянул на неё Рейкир.

– Не похоже. На наши сигналы не отвечает. Быстро идёт на сближение.

Это было нечто совершенно неожиданное. Непредусмотренное приключение, которого Питер всегда так жаждал. Почему же тогда он почувствовал, как белая в честь отлёта форменная рубашка взмокла от пота на спине?

– Запросите ещё раз, – отдал он команду не очень уверенно, и стыд за свою нерешительность волной окатил его сердце.

Впервые в жизни волнение захватило его целиком, именно сейчас, когда он был ответственен не только за себя или свой симулятор, и не тогда, когда в любую минуту его мог подстраховать отец, а в момент принятия единственно верного решения, от которого зависела жизнь многих людей.

– Нет ответа, – голос Ванессы стал чеканно-бесстрастным.

Краем глаза Рейкир успел заметить, как доктор Гафф занимает место у панели управления. Это ободрило Питера – сам того не подозревая, старший помощник придал молодому капитану уверенности в себе. Теперь все трое были при своих обязанностях, и каждый мог хотя бы теоретически опереться на другого.

– Неужели пираты?! – прошептала Ванесса.

В те дни новости иногда сообщали о нападении неизвестных судов на грузовые и пассажирские караваны. Управление рьяно боролось с преступниками и даже имело некоторый успех, но вдали от торговых путей такие случаи ещё имели место.

– На трассе Земля – Юпитер? Маловероятно, – заметил Рейкир.

– Согласен, – кивнул доктор Гафф. – Что дальше?

– Дальше? – Питер вдруг почувствовал спортивную злость. – Дальше приготовиться к манёвру. И мне всё равно, кто это. Кто бы он ни был и чего бы ни хотел, ему придётся сначала догнать нас!

Боба и Доба как ветром сдуло из рубки в механические отсеки. «Клементине» предстояло совершить сложный манёвр.

– Ну, старушка, покажи, на что ты способна, – и Питер повернул рычаг.

В иллюминаторах завертелись звёзды. «Клементина» смело рванулась навстречу опасности, едва не налетев на незнакомцев, после чего Питер снизил скорость до минимума, сделал манёвр на торможении и под самым носом у неприятеля резко взмыл, выжав максимальную скорость из своих двигателей. Слева по борту что-то сверкнуло, корабль тряхнуло, но «Клементина» устояла и, обдав преследователей плазменным облаком, растворилась в пространстве.

Вскоре в рубке послышался вздох облегчения, когда, оторвавшись, корабль вышел на ровный курс.

– Ничего себе! Вы это видели? Они дали по нам залп! Хорошенькое начало!

Откинувшись в кресле, Ванесса устало потирала виски. Пальцы доктора Гаффа бегали по клавиатуре, производя расчёт полёта. Недрогнувшей рукой капитан Рейкир положил судно на малую крейсерскую скорость. И никто, по счастью, не заметил или сделал вид, что не заметил, как недрогнувшая рука на самом деле окоченела на рычаге управления, и Питеру пришлось приложить усилие, чтобы разжать одеревеневшие пальцы.

– Три манёвра класса «А» на скорости, близкой к световой, за пять единиц условного времени, – выдал наконец Гафф. – Где вы этому научились, юноша?

– В песочнице, доктор. В песочнице.

Питер позволил себе загадочно улыбнуться, приподняв брови. Он решил, помощникам не стоит знать, что именно за этот манёвр ему снизили оценку на выпускном экзамене. Офицер, принимавший полёт, посчитал его слишком рискованным. В этот раз двигатели не подвели. А могло быть и по-другому.

– Больше никогда так не делай, – проворчала Ванесса, но в её голосе послышались беззаветная любовь и восхищение.

– Кто это был? – раздалось вдруг позади.

Обернувшись, Питер увидел мертвенно-бледную профессора Вайс. Словно загипнотизированная, следила археолог за показаниями приборов и радаром.

– В данный момент это не имеет значения, раз они нас не догнали. Выясним всё, когда вернёмся на базу. А пока... я полагаю, что Юпитер нам больше ни к чему. «Клементина» показала себя более чем хорошо при самом сложном маневрировании, а значит, мы ложимся на обратный курс. К Луне!

Глава 4. На базе

С тех пор как люди впервые высадились на Луну в 1969 году, со спутником произошли некоторые изменения. На плоской поверхности лунных долин появились первые космические станции и постоянные научные поселения. Человечество пока отвергало негостеприимную поверхность ближайшего к Земле космического тела, как среду для развития цивилизации. На нём не росли города и не прокладывались дороги. Люди избегали селиться в холодных пыльных ландшафтах, но зато их место заняли транснациональные корпорации по добыче и переработке природных ресурсов. День за днём гигантские роботизированные комплексы вгрызались в плотную поверхность спрессованного грунта, производя на свет железо, алюминий, титан и многие другие элементы, необходимые как для жизни на самой Земле, так и для освоения глубин космоса. Но самое главное – это добыча реголита – основы для ракетного топлива ещё до того, как вошли в обиход первые аннигиляционные двигатели.

Кроме того, Луна явилась идеальной стартовой площадкой для дальних межгалактических перелётов, особенно та её часть, что постоянно повёрнута от Земли и где со временем образовались многочисленные ангарные установки для космотехники, а также стартовые модули космодромов, помогающие вывести корабли на нужное полётное ускорение.

И всё равно, невзирая на многие видимые преимущества, Луна оставалась для человечества чем-то вроде пыльного старого сарая, в который, несмотря на его близость к дому, заглядывают редко и где ещё можно обнаружить что-то удивительное, хотя и давно забытое. Люди предпочитали Марс с его терпимыми адаптационными условиями или некоторые спутники Юпитера, где перепады температур не достигали такой ощутимой амплитуды, и где искусственная атмосфера позволяла строить города и возделывать сельхозкультуры, пусть даже и в тепличных условиях.

Со временем и основные космопорты переместились на более гостеприимные планеты, а Луна так и осталась романтическим символом для поэтов и влюбленных, а также ближайшей сырьевой базой для деловых и научных интересов.

База 07-к, район С-С-запад Океана Бурь, куда теперь направлялась «Клементина», была одной из самых старых на поверхности спутника и располагалась в достаточно удалённом от основных сырьевых потоков месте. Когда-то на территориях, прилегающих к главному корпусу, возвели километры теплиц для работы с экспериментальными генетическими модуляторами. Но всё это уже давно было заброшено, эксперименты закрыты, а теплицы лишились большей части своего покрытия в результате длительной метеоритной бомбардировки.

Старенький космопорт негостеприимно встретил вновь прибывших торопливой скороговоркой робота-диспетчера и пустой посадочной площадкой. Никто не встречал экипаж «Клементины» с цветами или хотя бы приветственными речами. Зато при подлёте непосредственно к самой базе корабль дважды просканировали местные военные крейсера и сопроводили его в самый дальний отсек.

– Да, хорошо же здесь принимают гостей, – недовольно протянула Ванесса.

– Судя по той искорёженной гряде железа, что я успел заметить на главной посадке, – сказал Гафф, поводя длинным носом из стороны в сторону, словно приносиваясь к неприятностям, – нам здесь не рады.

– Полагаете, что-то случилось? – встревожено поинтересовался капитан Рейкир.

– Полагают пусть те, кому за это платят, – фыркнул доктор и кивнул на Вайс, внимательно следившей за посадкой корабля в окно наблюдения.

Глаза археолога горели тяжёлым матовым огнём досады и беспокойства.

В зале карантина экипаж «Клементины» и её пассажиров встретил лично начальник базы полковник Прескотт и его люди. Поскольку база уже давно и плотно была занята военными, где они до сих пор проводили какие-то одним им известные тесты и изыскания, полковник являлся, очевидно, единственной властью на станции. Это был невысокий, плотного телосложения мужчина с тяжёлой бульдожьей челюстью.

– По правде сказать, мы тут загибаемся от скуки, – сказал он Питеру и профессору Вайс после формального приветствия и представления, – и прилёт вашей экспедиции сильно разнообразит наши серые рабочие будни. Но видите ли, какая неприятность, – тут Прескотт замялся, – произошла чрезвычайная ситуация. Я уже доложил о ней на Землю и получил приказ продолжать оказывать вам помощь и гостеприимство, несмотря на крайне враждебные обстоятельства. Все четыре ваших транспорта разбиты на подлёте к Луне неизвестными вооружёнными кораблями.

Профессор Вайс, издав громкое восклицание, схватила полковника за рукав форменного сюртука.

– То есть как это – разбиты? Что вы имеете в виду? Надеюсь, вы не хотите сказать, что мой груз погиб и я не могу начать работу?

– Пойдёмте со мной, – ответил ей Прескотт, – и вы сами всё увидите.

Он отвёл Питера и Вайс на главную посадочную площадку, где повсюду кипела жизнь. Только жизнь не созидательная, а скорее похожая на деятельность насекомых-могильщиков, стремящихся сровнять с землёй всё, что когда-то бегало и резвилось. Груды металлолома, теперь слабо напоминающие корабли, разбирались по частям и утилизировались роботами и военными сотрудниками космопорта.

У одной из таких развалин их встретил сержант Грэхем, откомандированный УНА на головное судно профессора Вайс с целью сопровождения и охраны.

– Они напали на нас в окололунном пространстве, – нехотя и сердито рассказывал он, перекладывая автомат из одной руки в другую, – налетели как из-за угла.

– Даже опомниться не успели, так быстро всё произошло, – подтвердил полковник.

Сержант взглянул на него строго.

– Прошу прощения, господин полковник, опомниться не успели – это не про меня и моих людей. Мы им тоже надрали задницы. Извините, мадам Вайс.

– Но кто они? – потребовала объяснений профессор, никак не отреагировав ни на «задницу», ни на «мадам».

– К сожалению, мы не знаем, кто именно напал на транспорт, – начал Прескотт, – но я полагаю, на Земле с этим разберутся.

– Корабли шли без опознавательных знаков. Они приблизились на допустимое расстояние и сразу дали по нам залп из всех орудий, без каких бы то ни было предупреждений, – сердито продолжал сержант. – Чёрт, мы отбивались, как могли, но ведь мы не военный транспорт, а грузовой. В УНА посчитали, отправляя нас на задание, что чем меньше мы привлечём к себе внимания своим вооружением и охраной, тем лучше. Хотел бы я видеть того умника, что подписывал наши рапорта.

– Успокойтесь, Грэхем, – перебил его полковник, – сейчас надо подумать о том, сможем ли мы выполнить задание, возложенное на нас управлением.

– Что удалось спасти? – жёстко спросила Вайс. – Надеюсь, хотя бы часть оборудования осталась без повреждений?

– Мне удалось посадить два корабля, – ответил ей Грэхем, – из которых один уже никогда не полетит. Мои люди сейчас проверяют контейнеры. Ваш помощник Лавендиш работает с ними. Вы можете спросить у него о сохранности оборудования, так как он лучше осведомлен, чем я.

– Хорошо, – Вайс резко повернулась на своих высоченных каблуках, – я должна увидеть всё своими глазами, составить чёткий план и отчитаться на Землю. Встретимся завтра в девять по Земле у вас, полковник. А вас, сержант, я попрошу представить подробный отчёт о происшествии в письменной форме.

С этими словами она резко раскланялась и отбыла в направлении посадочной площадки, где суеился низенький, похожий на таксу человек – мистер Лавендиш. Питер и военные смотрели ей вслед.

– Терпеть не могу баб. Особенно таких костлявых – эти, как осы, самые злобные, – желчно отозвался Грэхем и сплюнул.

– Да уж, профессор Вайс – весьма решительная женщина, – поддакнул полковник, – но... дело есть дело. Часа через три, надеюсь, станет понятно, сможете ли вы начать свою экспедицию. УНА требует от нас чётких и слаженных действий. Я понял из сообщения миссии, что исследованиям профессора Вайс придаётся огромное значение, так что сами понимаете, сержант, придётся покрутиться.

– Господин полковник, разрешите обратиться, – сказал Питер уже в спину собравшегося было уйти Прескотта, до сих пор старательно игнорировавшего юного капитана. – Дело в том,

что мы тоже подверглись нападению неизвестного враждебного корабля. Они атаковали нас, но промахнулись, и мы смогли уйти от погони.

– Неужели? – мохнатые брови Прескотта полезли вверх.

Сложив руки на груди, он внимательно оглядел Питера с головы до ног.

– Так точно, господин полковник, нападающие застали нас на обходном манёвре – мы проверяли двигатели перед тем, как лечь на курс к Луне. Никто не мог знать о наших передвижениях заранее, – тут Питер отчаянно покраснел под цепким взглядом Прескотта.

– Вот как? – опять важно спросил полковник.

– Они появились точно так, как рассказывает сержант, из ниоткуда, и приблизились без каких-либо уведомлений или опознавательных сигналов.

– И вы, в отличие от сержанта, смогли от них оторваться?

– Да, – подтвердил Питер, – это было нетрудно, ведь мы шли одни и нам не нужно было никого защищать.

Грэххем взглянул на зелёного капитана с некоторым расположением.

– Есть ещё одно обстоятельство, – начал Рейкир, – мне кажется, пираты ожидали нас в околосолнечном пространстве с другой стороны, со стороны Земли, и кто-то с опозданием сообщил им наши координаты. Тогда, чтобы не упустить нас из виду, они были вынуждены гнаться за «Клементиной», а не поджидать в засаде, как в случае с сержантом.

– Правильно ли я вас понял, капитан Рейкир, вы утверждаете, что у меня на станции завелся крот? – чересчур вежливо спросил полковник, колючим взглядом пронзая отчаянного наглеца.

– Я лишь хочу сказать, – начал опять Питер, – что информатор определённо есть, а находится он мог где угодно.

– И скорее всего, у вас на корабле, ведь по вашим собственным словам никто не был в курсе перемещений «Клементины».

– Этого я не знаю, полковник. Но мои люди понятия не имели о передвижении основного транспорта. Единственный человек, который знал все детали полёта обеих частей миссии, – это профессор Вайс, но ей, очевидно, нет смысла мешать самой себе.

– Хорошо, – нетерпеливо прервал Питера Прескотт, – я думаю, мы во всём разберёмся, а пока добро пожаловать к нам на станцию, капитан Рейкир. Располагайтесь и, как говорится, будьте как дома. Всё выяснится ещё до вашего отлёта.

С этими оптимистическими обещаниями полковник покинул общество капитана и сержанта Грэххема. С минуту оба смотрели друг на друга, не зная, с чего начать. Несмотря на хмурый и неразговорчивый вид сержанта, Питер первым решился нарушить молчание.

– Как думаете, экспедиция сможет состояться? – спросил он торопливо, боясь, как бы Грэххем не ушёл раньше, чем ему удастся удовлетворить своё любопытство.

– Судя по количеству оставшейся техники – нет, а судя по энтузиазму полковника и мадам Вайс – непременно. Странно, что она выбрала именно ваш корабль, – сказал Грэххем немного погодя.

– Я сам удивляюсь, – пожал плечами Питер, – очень может быть, выбирала не она. Управление иногда бывает очень парадоксально в своих решениях, – тут Питер вспомнил назначение доктора Гаффа и вздохнул.

– Это точно, – подтвердил Грэххем, – они посылают военных сопровождать научный груз, который перевозят на гражданских транспортных судах без всякой толковой охраны.

– Профессор Вайс сообщила нам, что её миссия секретна. Вам что-нибудь известно по этому поводу? – аккуратно прощупал обстановку Питер.

Сержант ответил уклончиво. Питеру показалось, что он знает больше, чем посчитал нужным сообщить молодому капитану.

– Не думаю, что есть какие-то особые секреты в археологии, – сказал он, – дождёмся вечера и посмотрим, что нам сообщит этот пройдоха Лавендиш.

– Не слишком-то дружелюбно, – усмехнулся Питер, услышав в тоне Грэххема ноту презрительного пренебрежения.

– Да, все они одним миром мазаны, эти книжные крысы. Они понятия не имеют о настоящей жизни, но лезут указывать, когда их никто не спрашивает. Вайс и Лавендиш – два сапога пара. Я с большим удовольствием попрощаюсь с ними обоими.

Тут Питер заметил, как сержант с удивлением вглядывается во что-то за его спиной.

Обернувшись, он увидел Ванессу.

– Разрешите обратиться, капитан Рейкир, – сказала она подчеркнуто официально, стрельнув глазами в сторону незнакомца, – ваше задание выполнено. Все ящики профессора Вайс сгружены и переправлены в ангары, указанные мистером Лавендишем, её помощником.

– Спасибо, Ванесса, – отозвался Питер, внутренне забавляясь удивлению сержанта. – Попросите первого помощника подготовить рапорт о нашем юпитерианском происшествии для отчёта полковнику Прескотту и соберите всю команду на мостике, – скомандовал он.

Козырнув, Ванесса удалилась, покачивая бёдрами, словно корабль бортами.

– Мощная женщина, – заметил Грэххем, и его правильное скульптурное лицо озарилось восторженной детской улыбкой.

– Да, – поспешил согласиться с ним капитан Рейкир, – и хотя мой первый помощник доктор Гафф утверждает, что все бабы – зло, Ванесса, безусловно, не имеется нами в виду. Она – удивительная женщина.

На следующее утро, в соответствии с земным временем, в стареньком конференц-зале базы 07-к собрались все, кто должен был принять решение и отчитаться по подготовке к предстоящей операции.

Питер пришёл туда с твёрдым намерением прояснить для себя некоторые волнующие моменты. Ему не нравилось, что Управление пыталось использовать его, не поставив в известность об истинных целях и задачах экспедиции. Особенно это было важно в свете последнего опасного происшествия, так как бороться с врагом, которого не знаешь и не представляешь всех его намерений, крайне непродуктивно. Именно об этом капитан Рейкир и доложил, заканчивая свой отчёт перед собравшимися.

Полковник Прескотт выдержал паузу.

– Мы не можем, – сказал он чуть погодя, – распространяться о целях секретной миссии. И капитан Рейкир должен понимать почему. Дело УНА – решать, кто конкретно будет поставлен в известность и в какой степени.

– Согласен с вами, – ответил Рейкир, – но не тогда, когда речь идёт о жизни моего экипажа и целостности корабля. Ведь именно Управление поручило мне заботиться о них в первую очередь, разве не так?

Полковник крикнул и замешкался, вместо него в разговор вступил вдруг мистер Лавендиш. Покачивая носком ботинка, он сказал вкрадчиво:

– О чём вы говорите, капитан? До того как вы вылетели, никто и знать не знал о грозящей вам опасности, ну а теперь, когда всё страшное уже позади, тем более не имеет значения, ради чего вы рисковали.

– Вывернутая логика, – возмутился Грэххем, – получается, что я должен отдать свою жизнь неизвестно за что?

– Ну, на то вы и солдат, господин сержант, – протянул археолог.

– Да, но, думаю, мы имеем право знать, ради чего подвергаемся опасности, – подхватил Питер.

– В вашем возрасте, молодой человек, – растянул в улыбке губы Лавендиш, – вообще вредно много думать.

Питер хотел было возмутиться, но за него ответил доктор Гафф:

– Некоторым вредно выпендриваться в любом возрасте, это разжижает мозги. Мне кажется, у вас есть симптомы. Это я вам как врач говорю.

Лавендиш вскочил с места, и его глаза засверкали.

– Я протестую. Здесь не может быть места оскорблениям. Соблюдайте субординацию, первый помощник Гафф.

– Субординация, первый помощник Лавендиш, это моё любимое слово, – сказал доктор Гафф и зажмурился.

– Прекратите, – брезгливо прервала их Вайс, – сейчас не время выяснять отношения. По данным предоставленных мне рапортов, а также согласно указаниям управления, мы можем продолжать экспедицию. Конечно, детали проработки придётся несколько скорректировать в соответствии с изменившимися условиями. Нужно многое подготовить перед стартом. УНА и я лично просим вас, капитан Рейкир, и вас, сержант Грэххем, задержаться на базе до новых указаний.

Сержант тихо выругался вполголоса.

– До каких ещё новых указаний? – бросил он с вызовом, и на его скулах заиграли желваки.

– До тех пор, по крайней мере, как мы будем готовы к выходу на грунт. Техники у нас мало, её придётся собирать по частям. Ваши люди придутся нам кстати, – безапелляционно заявила Вайс.

Грэххем в бессильной злобе откинулся на спинку стула.

– Это окончательное решение? – спросил Питер.

– Окончательнее не бывает, – ответил ему Прескотт, – на Земле собрать других специалистов и новую технику отнимет крайне много времени. Управление и так уже потратило слишком большие средства на данный проект, а результат, как вы знаете, весьма плачевный.

– Что ж, тогда тем более. Вам придётся посвятить нас хотя бы в некоторые детали экспедиции, – заявил Питер.

– Мы уверены, что УНА не рассердится, – вставил Гафф.

Профессор Вайс поджала губы и посмотрела на полковника. Тот пожал плечами.

– Конечно, мы справлялись у руководства, можем ли доверить вам некоторые частности. В принципе, Управление не возражало. Аргументы против исходили от мистера Лавендиша, насколько я понимаю, но теперь... я думаю, всё улажено.

Лавендиш лишь злобно фыркнул в ответ.

И профессор Вайс, недовольно хмурясь, начала свой рассказ.

– Все вы, конечно, слышали о Древнем Египте, о пирамидах, построенных задолго до Рождества Христова, фараонах и династиях, сменяющих друг друга, о высочайшем развитии цивилизации, в то время как в Европе человек был дик, одевался в шкуры и не знал железа.

Несмотря на то, что современная наука далеко продвинулась вперёд в деле изучения и систематизации древности, мы до сих пор не можем дать определённые ответы на целый ряд вопросов. Например, как и кем были построены пирамиды. Есть много гипотез и даже доказательных, но нет ясности и простоты, так как все они разбиваются одна о другую. Мы можем лишь предполагать, но проверить эмпирически, то есть с помощью опытов, не можем. Для этого пришлось бы согнать в одно место в пустыне без еды и воды миллион человек и ожидать от них рабского труда, как то делали цари древности, возводя свои монументы. Все остальные попытки смоделировать постройку пирамид в теории лишь профанация, потому как, например, положить на песок плиту в две тонны и поднимать на неё следующую – это совсем не то же самое, что положить 20-тонную.

Мы можем проводить параллели с большим кораблём, построив маленькую лодку, но не тогда, когда речь идёт о силе тяжести и сложном инженерном сооружении непонятного назначения.

Вы, без сомнения, знаете, что по целому ряду особенностей пирамиды представляют собой непревзойдённые образцы конструкторской мысли. Моё мнение и мнение моих коллег, – профессор кивнула на мистера Лавендиша, зажмурившегося в подтверждение её слов, – они, безусловно, внеземного происхождения. То есть – я должна оговориться – они построены на Земле, но по проекту и под руководством космического архитектора. Оставим пока в стороне способ постройки. Но только представьте себе пирамидальное сооружение, возведённое из массивного камня, устремлённое своей вершиной в вечно синее небо. Это небо без остатка и изъяна отражается в отшлифованных до блеска зеркалах – плитах, покрывающих пирамиду. Вы не видите её, её никто не видит, это конструкция-невидимка, вы видите только небо и только нестерпимое солнце в сверхмощном отражателе. Без сомнения, отражённый свет Солнца был виден с Луны.

Для чего понадобилось древним посылать сигналы нашему спутнику? Для чего вообще нужны пирамиды? Это не гробницы и не культовые сооружения в их чистом виде, но кто научил фараонов строить их и почему именно пирамида стала той геометрической фигурой, на которой остановился древний строитель? Внутри пирамиды время течёт по-другому и неодинаково в разных её частях, она обладает свойством сохранения и мумификации живой ткани, в ней не происходят или замедлены процессы разложения и гниения, она строго ориентирована в пространстве не столько земном, сколько космическом, все её внутренние камеры похожи на генераторы и накопители энергии. Словом, это явно механизм, только под воздействием времени и человеческого фактора выведенный из строя. И мы должны узнать, как он работает.

– И зачем? – скептически выплюнул доктор Гафф.

– Странно слышать такой вопрос от учёного. Затем, доктор, чтобы покорить пространство и время, вам ли этого не понимать.

– А при чём тут Луна? – спросил Питер.

– Мы предполагаем, что чертежи пирамиды находятся где-то здесь. На Луне.

– Скорее уж на Солнце, они ведь на Солнце молились, – съехидничала Ванесса.

– Вовсе нет. Обывательские заблуждения. Весь первоначальный религиозный культ Древнего Египта был связан именно с Луной, а не с Солнцем. Это лунный диск, а не солнечный держит на голове Омон, позже Ра. Исида, Осирис, Тот – главные египетские боги – все они родом с Луны. Культ Солнца пришёл лишь во времена пятой династии, когда великие пирамиды были уже построены, и стал религией правящей верхушки. Народ же продолжал поклоняться старинным верованиям – Луне, планете Иях. Со светом Луны, верили египтяне, кровь человека растёт и убывает, от неё зависит урожай и плодovitость, там вершится справедливый суд и там решается, кто будет следующим фараоном – и бог Тот в образе прекрасного юноши вырежет его имя на священной сикоморе.

Взгляд профессора Вайс мечтательно устремился ввысь.

– Но где искать эти чертежи, по-вашему? – спросила Ванесса, привлекая всеобщее внимание. – Я что-то не слышала о пирамидах на Луне. А если они когда и существовали, то метеориты должны были разнести их в пух и прах.

– Так и есть. Но у нас есть данные о странных вспышках на Луне – подобно тем, что должны были посылать земные пирамиды на пике своей формы. Мы произвели ряд вычислений и... полагаем, что искать надо в квадрате 42-би.

– Что значит – вспышки? Вы намекаете на внеземной разум? – у Питера заняло под ложечкой в ожидании положительного отклика.

Ещё не родился тот капитан, который с молодых ногтей не мечтал бы открыто вступить в контакт с внеземной цивилизацией. И Рейкир не был исключением.

– Я ни на что не намекаю, – презрительно отозвалась Вайс, – я утверждаю, что с тех пор, как наши корабли вышли на орбиту планеты, за нами ведётся пристальное наблюдение.

– Ну нет, профессор. Те, кто атаковали нас, не были инопланетянами, чёрт возьми! – возмущённо воскликнул сержант. – Это были земные суда, и управляли ими вполне земные ублюдки.

– Но какова их цель? Что им от нас надо, ведь чертежи ещё не найдены! – Питер с трудом мог усидеть на месте.

– Конечно помешать нам их найти! Это же ясно! – воскликнула Ванесса и зарделась, отчего её тёмные круглые щеки стали ещё темнее.

Сержант Грэхем поглядел на неё с уважением.

– Очевидно, это так, – подтвердил он.

– Да мало ли идиотов ищут чёрт знает что на Луне, – излился желчью доктор Гафф, – но в УНА ещё не слышали, чтобы торговые или научные суда были атакованы и уничтожены прямо у него под боком. Случаются пиратские нападения, но не у себя же в трусах.

– Уж не имеет ли в виду господин старший помощник, при всём моём глубоком к нему уважении, что нарушения законности – большая редкость у него дома? – расплылся в сладчайшей улыбке мистер Лавендиш.

– Вас послушать, господин Гафф, так на Земле не бывает преступлений, а все они случаются в глубоком космосе, подальше от мирских ценностей.

– А вас послушать, госпожа Вайс, так моя теория аннигиляционных скачков – полнейшая чушь. Но тогда у меня возникает вопрос: каким образом таинственные разбойники появились на орбите Юпитера? Они ведь словно материализовались из вакуума.

– Мало ли какие двигатели существуют, – съехидничала Вайс.

– Господа, мы уклонились от темы, – прервал перепалку полковник. – Чертежи должны быть найдены, и в связи с этим группу придётся сформировать заново. Я вызвал дополнительный резерв войск с Земли, но нет никаких гарантий, что они смогут удачно прилуниться. Совершенно ясно, что подлёты к Луне контролируются, и мы не знаем, кем именно. Не мне объяснять вам, сержант, что за недругами нам далеко ходить не надо. И на Земле случаются конфликты интересов, что уж тут вспоминать каких-то инопланетян, если в самом Управлении неспокойно. А когда речь идёт о величайшем открытии в мире – возможности путешествовать во времени, то тут, как вы понимаете, круг подозреваемых увеличивается в разы.

Резерв будет прикрывать ваши изыскания, но искать придётся самим. Чем меньше человек знают об этом деле, тем лучше. А новых специалистов мы подключим в случае вашей гибели.

– Ну, тогда я спокоен, – доктор Гафф развёл руками, – а то уж я подумал, что доживу до старости. И так напугался.

Никто не ответил на его сарказм. Вайс и Лавендиш были, очевидно, недовольны вмешательством в дело исследований команды Питера. Но полковник Прескотт, игнорировавший Гаффа и его замечания, был прав – начинать следовало немедленно и абсолютно тайно.

Глава 5. Таинственный враг

Утром следующего дня полковник Прескотт вызвал Питера к себе.

– Я хочу поговорить с вами с глазу на глаз, капитан, – сказал он. – Дело, которое затевается, очень опасное, и не скрою, что вся эта ситуация с нападением очень неприятна. Я имею чёткие указания от УНА всячески содействовать экспедиции профессора Вайс, но я не могу верить всем её членам огульно. Вы меня понимаете?

Питер согласно кивнул, обрадованный оказанным именно ему доверием.

– Так точно, господин полковник, я понимаю.

– Поэтому я хотел вас спросить, как вы думаете, капитан Рейкир, каким образом пираты (будем их так называть) узнали о готовящейся операции? По-вашему, это утечка с Земли?

– Я так не думаю, господин полковник. Курс на Юпитер был утверждён мной уже в воздухе, он несколько не соответствует прямым указаниям УНА, – мягко обошёл Питер трудный момент.

– Как вы набирали команду? Вы всем доверяете?

– Я доверяю всем своим людям, – Питер намеренно подчеркнул слово «своим», – но профессор Вайс...

– Ну-ну, юношеский максимализм. Будь начеку, мой мальчик. Я не в восторге от этой лисы Лавендиша. Я чувствую, он ещё много крови мне попортит. Спрашивается, зачем Управление направило именно его в помощь нашей госпоже археологу? Пригладывай за ним и за ней. Не исключено, что они ведут двойную игру.

В тот же день полковник попросил к себе профессора Вайс с помощником, а также сержанта Грэххема и всем озвучил примерно одни и те же фразы, менялись только имена. Но Питер об этом не знал. Так в атмосфере абсолютной секретности и полного недоверия и началась лунная эпопея Питера Рейкира и его команды.

Подготовка экспедиции шла полным ходом. Люди сержанта Грэххема – вояки с непроницаемыми лицами – сколачивали, собирали, латали всё то оборудование, что по счастливой случайности осталось нетронутым во время нападения или получило лишь незначительные повреждения. С особым тщанием и осторожностью мистер Лавендиш заботился о нескольких ящиках с «Клементины» – тех, которые профессор Вайс лично забрала с Земли и лично же руководила их погрузкой. Теперь они занимали почётное место в ремонтной камере станции.

– Хотел бы я знать, – задумчиво произнёс Питер, – для чего им все эти лебёдки, взрыватели и уловители энергии и что в этих чёрных таинственных ящиках, мало похожих на тубусы для чертежей.

– Если только чертежи не в натуральную величину пирамиды и не радиоактивны, – проскрипел Гафф, тоже наблюдающий за сборами с большим скептицизмом.

– Похоже, мы не всё знаем, доктор. Часть информации прошла мимо нас.

Прозрачный купол станции транслировал равнодушный чёрный космос с ковром раскинутых на нем звёзд. Они сияли, не мигая, огромные, немые, без привычной земной морзянки атмосферных колебаний, равнодушные ко всему на свете, и даже не верилось, что где-то там, возможно, лишь на одной из них есть жизнь со всеми её страстями и драматизмом сродни земному.

И Питер, и старший помощник оба почувствовали, насколько уютнее, теплее, а главное, разумнее оставаться в пределах станции под ярким светом искусственных солнц и не выходить на грунт в мёртвый холод космоса ради сомнительной и опасной цели.

Подшли понурые Боб и Доб.

– Шеф, мы чего-то не хотим туда соваться, – сказали они и почесались.

– Идти придётся, у нас мало людей. На корабле останутся Саито и Васи́ка. И то только потому, что кошки не умеют гулять в безвоздушном пространстве, а японец ни слова не понимает ни на каком другом языке, кроме японского. Состав экспедиции утверждён УНА. Полковник доложил обо всём на Землю. Нам пожелали успеха.

– Что мы имеем в случае удачи? – поинтересовались братья.

– Если нас не убьют пираты и мы не сгинем на просторах негостеприимной Луны, скафандры не порвутся и дыхательная смесь не закончится, мы будем иметь чертежи машины времени, насколько я понимаю. Так, во всяком случае, считает профессор Вайс.

– Обшарить территорию площадью двадцать пять квадратных километров – задача не из простых и быстрых, – заметила подошедшая Ванесса. – Ещё меньше я понимаю, зачем все эти коробки и гробы.

– Туда мы будем складывать чертежи, – пошутил Гафф.

– Какие чертежи?! Как их искать? Это же не бумажка, которая просто валяется на грунте и мы её подберём.

– А почему ты не допускаешь подобную возможность? – опять заинтересовался старший помощник. – Напрасно, напрасно ты не веришь в мистера Лавендиша.

– Я, господин помощник, не верю ни в бога, ни в чёрта, не говоря уже о мистере Лавендише, – заявила Ванесса.

– Боюсь, он огорчится, когда узнает.

– Не похоже, чтобы профессор Вайс действовала голословно. Она знает что-то, чего нам не сказала, иначе, объясните мне, почему пирамиды стоят тысячелетиями, а искать инструкции по их применению догадались только теперь, – задумчиво проговорил Питер.

– И почему кто-то, кого мы поторопились назвать пиратами, пытается во что бы то ни стало помешать нам их найти? Хотя понятно и ребёнку, нет такого пирата, который не мечтал бы путешествовать во времени, это ведь золотое дно! – поддержала его Ванесса. Близнецы лишь глубокомысленно вздохнули, они и сами были бы не против прошвырнуться куда-нибудь в прошлое, а ещё лучше – в будущее, посмотреть на тамошние двигатели.

Вдруг послышались торопливые шаркающие шаги и сбивчивый задыхающийся голос Саито.

– Капитана, капитана, – в глазах повара стояли слёзы, – Васику пропар, совсем пропар, ах я... – схватился он за голову.

– Мы сейчас с ним поговорим, – заявили близнецы, глядя на непонимающего капитана, – мы знаем, как надо.

– Ну что, – подступил Доб к бедному Саито, – збезара от тебя твоя косяка?

– Збезара, збезара, – с готовностью закивал японец. – Саито искать, Васику не приходить. Миська не есть.

– И даже миська не есть? Ай-ай-ай, – в притворной досаде закивал Боб и зацокал языком.

– Не бойся, Саито, здесь где-нибудь твоя Васику, это же база, она герметична, понимаешь, найдётся твоя кошка, – глаза Питера смеялись.

Смешливая Ванесса с трудом сдерживалась.

– Доктор здесь, – кивнула она на фыркнувшего в ответ Гаффа, – значит, и Васику здесь.

– Саито искар, везде искар. Смотрер коробка, ясик, нигде нет, – японец горестно покачал головой.

– А что, это идея... – не успел сказать Питер, встретившись глазами с доктором Гаффом. Тот только кивнул в ответ и неожиданно громко закричал:

– Васику, чёртова кошка, только попадись, – и кинулся в самую гущу сборочных работ, стараясь держаться поближе к заветным, интересующим Питера ящикам.

Вся команда «Клементины» тут же, как по приказу, мигом рассеялась по ремонтной камере, путаясь под ногами солдат и мешая им работать. Между рабочим шумом инструментов и скрежетом собираемых сложных лебёдок то и дело слышались крики Боба, Доба и Ванессы, призывающие упрямое животное. Им вторил взволнованный голос Саито. Бедный повар и в самом деле думал, что исчезновение его любимицы сильно обеспокоило всю команду, о доброте и отзывчивости которой он не преминул сочинить очередное хокку и, ползая на коленях среди топ-секретного оборудования, изо всех сил старался удержать в памяти несколько строк своего скромного поэтического искусства.

Иногда он натыкался на чьи-нибудь ноги. Чаще всего это были солдаты, собирающие луноход или установку по производству воздуха, и тогда они ругали его и даже пинали. Но

иногда это были ноги капитана или горячо обожаемого Васишкой доктора, которого повар побаивался и уважал больше, чем любого другого человека с корабля, и тогда ноги просто перешагивали через Саито и исчезали за грудой ящиков.

К сожалению, поиски продлились недолго. Мистер Лавендиш, обеспокоенный напряжённым вниманием подозрительных для него людей, их вмешательством в хорошо налаженный процесс сборки, совсем скоро появился в мастерской с недовольной гримасой на лице. Отчаявшись поймать Рейкира или Гаффа, которые одни могли запретить своим людям самым непроизвольным образом мешать технологическому процессу, он с возмущённым писком кинулся прочь за подмогой. Вскоре появившиеся Вайс и полковник прервали поиски незадачливой кошки.

Отряхиваясь от пыли и синтетических стружек, члены команды Питера нехотя, но довольные поднимались с колен, и только Саито по-прежнему находился в полном отчаянии, ведь его любимица так и не нашлась.

– Что здесь происходит, капитан? – недовольно спросил Питера Прескотт.

– Пропал наш талисман, господин полковник, – пожал плечами Питер и с дерзкой улыбкой продолжил, – команда так привыкла к нему, что не представляет себе и дня, проведённого в разлуке. К тому же, боясь, что исчезновение кошки может быть истолковано как дурной знак, я отдал приказ к поискам. Вот и всё.

Мальчишеская задорная прядь упала на смеющиеся глаза Питера. Полковник недовольно крикнул.

– Вашим людям совсем не обязательно находиться здесь, капитан. Отправляйтесь на базу, где сержант проведёт для вас инструктаж по использованию лунного оборудования, и займитесь непосредственной подготовкой экипажа к высадке. Вам понятно?

– Так точно, господин полковник, – отрапортовал Питер, – но мои инструкции...

– Ваши инструкции изменены. Руководство УНА надеется на вас и не сомневается, что вы найдёте взаимопонимание с профессором Вайс и её людьми, – прервал его полковник. – С этого дня вы находитесь в её прямом подчинении. Приказ об этом уже издан мной сегодня утром, потрудитесь объявить его команде.

Мистер Лавендиш, гадко улыбаясь, с притворным почтением поклонился Питеру.

– Надеюсь, я не обязан подчиняться господину Лавендишу? – с горьким сарказмом спросил Питер.

– Господин Лавендиш – моя правая рука, – сказала Вайс с надменной улыбкой, – а вы, господин капитан, будете левой, если не возражаете. Я ничуть не собираюсь стеснять ваших полномочий. Мы делаем одно дело, и оно так важно и опасно, что разногласия просто не допустимы.

– Вот дьявол, – выругался Питер, когда Вайс и полковник скрылись за ящиками, а досадливый Лавендиш, семена вслед, полушёпотом что-то втолковывал им, оглядываясь на экипаж «Клементины», – я должен был предвидеть, что они захотят нас съесть.

– Ничего, – усмехнулся Гафф, потрепав его по плечу, – иногда правая рука не знает, что делает левая.

– Так каков итог? – спросил Питер, когда команда смогла наконец оказаться на корабле без посторонних ушей.

– Там три ящика, все из разных материалов, – заметили Боб и Доб, – размеры тоже неодинаковые. Самый маленький, очевидно, с золотым напылением. Два других – свинцовый и титановый.

– Не похоже на тубус, – с иронией заметил Рейкир. – А на что это похоже?

– На гроб, – фыркнула Ванесса.

– А может, на саркофаг? – доктор Гафф и Питер переглянулись. – Если один можно поставить в другой, тогда вполне вероятно.

– Мумия фараона, на Луне?! – воскликнула Ванесса. – Это фантастика, и притом глупая. Для чего им фараон? Или чертежи нарисованы на его погребальных пеленах?

– Не исключено, – заметил Питер.

– Что за хрень? – возмущению близнецов не было предела. – Сколько лет этому вашему фараону? Все простынки уже давно бы истлели, – и Доб выразительно постучал себя по лбу.

– Не факт. Ведь на Луне нет влаги, нет воздуха, а следовательно, нет других факторов воздействия, кроме времени. В таких условиях мумия могла сохраниться без повреждений, – рассуждал Питер.

– А для чего свинец? Мумии не бывают радиоактивны. Или бывают? – возразил Боб, всегда более недоверчивый, чем брат.

– Это как раз понятно. Луна радиоактивна, это знает даже школьник. Так что свинцовый саркофаг защитит тело от нежелательного воздействия излучения. Нас от него защищают скафандры, – пояснила ему Ванесса.

– Ну хорошо, – не сдавался упрямый механик, – а золото для чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.